

Вильгельм Гауф

Стинфольская пещера

(Шотландская легенда)

Много лет тому назад на одном из скалистых шотландских островов жили в мире и согласии два рыбака. Оба они были холостые, родни у них тоже не было, а общая, хотя и не одинаковая, работа кормила обоих. По возрасту они были близки друг к другу, зато по облику и характеру столь же далеки, как орел от тюленя.

Каспар был толстенький коротышка с круглым, как луна, широким и жирным лицом, с добродушным веселым взглядом, казалось, далеким от печали и забот. Он любил поспать, был не только жирен, но и ленив, поэтому на его долю приходилась домашняя работа: он варил и пек, плел сети, как для собственного употребления, так и на продажу, обрабатывал большую часть их маленького поля. Его товарищ был полной его противоположностью; высокий и тощий, с ястребиным носом и смелым острым взглядом, на окрестных островах он прослыл самым деятельным и удачливым рыбаком, самым предприимчивым охотником за морскими птицами и их пухом, самым трудолюбивым земледельцем, а на рынке в Кирхуэле к тому же еще и самым жадным до денег торговцем, но товар у него был хороший, и торговал он без обмана, поэтому все охотно у него покупали. И Вильм Коршун и Каспар Колпак (так прозвали их в округе), с которым первый, при всей своей жадности, охотно делил тяжелым трудом заработанные деньги, не только были сыты, но находились на верном пути к известному достатку. Но Коршуну при его корыстолюбии просто достатка было мало. Он хотел разбогатеть, разбогатеть по-настоящему, и, когда он понял, что трудолюбием богатства не так-то легко нажить, он вбил себе в голову, что ему поможет какой-нибудь необычайный счастливый случай, и поскольку теперь эта мысль завладела его беспокойным умом, он уже не мог думать ни о чем другом и уже как о решенном говорил об этом с Каспаром Колпаком. А для Каспара то, что говорил Вильм Коршун, было непререкаемой истиной, вот он и пересказал все соседям, и вскорости пошел слух, будто Вильм Коршун не то уже продал душу дьяволу, не то получил такое предложение от князя тьмы.

Сперва Коршун смеялся над подобными слухами, но мало-помалу сжился с мыслью, что тот или иной дух откроет ему, где спрятан клад, и он уже не возражал, когда соседи над ним подшучивали. Он, правда, все еще занимался прежними своими делами, по уже не с прежним рвением и часто зря терял время, которое раньше потратил бы на рыбную ловлю или на какую другую полезную работу, в бесплодных поисках удачного случая, который поможет ему сразу разбогатеть. К несчастью, однажды, когда он стоял на безлюдном берегу и с твердой надеждой взирал на волны морские, словно оттуда ему должно привалить огромное счастье, большая волна, отхлынув обратно, оставила на берегу у его ног среди смытого мха и камешков желтый шарик – шарик золота.

Вильм стоял как замороженный; так, значит, его надежды не пустые мечтания, море подарило ему золото, прекрасное чистое золото, вероятно, остаток большого слитка, на дне морском обточенного волнами до величины ружейной пули. И теперь ему стало ясно, что некогда где-то здесь, у этого берега, затонул корабль с богатым грузом и что ему, именно е м у, предназначено судьбой поднять с морского дна похороненное там сокровище. С этого дня это стало его единственной думой. Он тщательно скрывал свою находку даже от друга; опасаясь, как бы кто другой не напал на след его открытия, он забросил все свои дела и проводил и дни и ночи на том берегу, где не рыбу ловил сетью, а собственноручно для этого изготовленной им лопатой пытался выудить клад. Но привело это только к бедности, ведь сам он теперь ничего не зарабатывал, а сонный и медлительный Каспар Колпак, при всем старании, не мог своим трудом прокормить обоих. В погоне за сокровищем исчез не только найденный им кусочек золота, но постепенно все добро обоих холостяков. Как прежде Каспар молча предоставлял Вильму зарабатывать на сытую жизнь, так и теперь молча и безропотно сносил он то, что из-за бесцельных трудов своего друга терпит нужду, и такое кроткое долготерпение Каспара только пуще подстегивало Вильма не прекращать неустанных поисков богатства, но еще больше не давало ему уgomониться то, что, как только он ложился спать и глаза его смыкались в дремоте, на ухо ему будто кто-то шептал, казалось ему, всегда одно и то же, явственно слышное слово, но, проснувшись, он так и не мог его припомнить. Он, правда, не знал, как это странное обстоятельство связано с одолевающими его теперь заботами, но при его умонастроении все оказывало на него свое действие, и это таинственное нашептывание укрепило его веру в то, что ему предопределено судьбой великое счастье, а он надеялся обрести его только в куче золота.

Однажды на берегу, где он нашел золотой шарик, его застала такая сильная буря, что он укрылся в ближайшей пещере. Эта пещера, которую местные жители называют Стинфольской, образует длинную подземную галерею, открытую в двух местах свободному доступу морских волн, и они, непрерывно с громким ревом, пенясь врываются в пещеру. Проникнуть в эту пещеру можно только в одном месте и только через расселину сверху, которой, кроме отчаянных мальчишек, редко кто пользовался, всех отпугивали не только опасности, связанные с самим местоположением, но и слава о том, что в пещере нечисто. С трудом протиснулся Вильм через расселину, спустился приблизительно на двенадцать футов и устроился на выступающем камне под нависшей скалой. Под ногами у него с ревом перекатывались волны, над головой шумела буря, а он опять предался обычным своим размышлениям о затонувшем корабле и что за корабль это мог быть, ведь, несмотря на все расспросы, он ни от кого из местных жителей, даже от старожилов, не мог получить сведений о корабле, когда-либо затонувшем на этом месте. Сколько времени он так просидел, он и сам не знал; когда же очнулся от своих грез, он увидел, что буря прошла, и хотел подняться наверх, но тут из глубины до него долетел чей-то голос и совершенно явственно прозвучало слово «Кар-мил-хан». В испуге вскочил он и посмотрел в пучину, где не было никого. «Господи боже! – воскликнул он. – Это же то слово, что преследует меня во сне! Ради всего святого, что оно значит?» «Кармилхан», – еще раз вздохнула бездна морская, когда он уже вытащил одну ногу из расселины; и, как испуганная лань, помчался он к своей хижине.

Но Вильм не был трусом, – просто все произошло слишком неожиданно, да и очень уж корыстолюбив он был, и никакая опасность не могла отпугнуть его и принудить сойти с избранного им опасного пути. Однажды, когда он поздней ночью при лунном свете, причалив лодку как раз против пещеры, пытался своей самодельной лопатой выудить сокровище, лопата вдруг в чем-то застряла. Он потянул со всей мочи, но все его усилия были тщетны. Тем временем подул сильный ветер, темные тучи обложили небо; лодку сильно качало, и в любую минуту она могла перевернуться; но Вильма Коршуна это не смутило, он тянул и тянул, наконец ему удалось одолеть сопротивление, и, не ощущая никакой тяжести, он подумал, что оборвался канат на лопате. Но как раз в ту минуту, когда тучи заволакивали луну, на поверхности воды появилась круглая черная масса и прозвучало давно уже преследовавшее его слово: «Кармилхан»! Он поспешил схватить эту темную массу и уже протянул руку, но ночная тьма тут же поглотила ее, а Вильму от вдруг разразившейся бури пришлось укрыться под ближайшей скалой. От усталости он там заснул, но и во сне, терзаемый неудержной силой воображения, он снова переживал те же муки, что терпел днем из-за не покидавшей его алчности.

Когда Коршун проснулся, первые лучи восходящего солнца падали на уже успокоившуюся водную гладь. Он хотел опять приняться за привычную работу, как вдруг увидел, что издали приближается какой-то предмет. Вскоре он разглядел лодку, а в ней человека. Но что его удивило, – лодка шла вперед без ветрила и весел, и притом носом к берегу, а сидевший в ней человек как будто и не думал о руле, да и был ли там вообще руль. Лодка подходила все ближе и наконец остановилась у лодки Вильма. Там с закрытыми

Назад << 1 [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)